

ИНТЕРНЕТ КАК СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИА-ФАКТОР ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ: МНЕНИЯ И ОЦЕНКИ

В статье рассматривается роль Интернета как медиа-фактора, социальных сетей в мобилизации протестных настроений городского населения в различных странах, в том числе в России в 2010-2012 гг. Автор анализирует и рассматривает главные причины этих массовых протестов, оценивает возможности и перспективы мер по предотвращению деструктивных социальных протестных действий, фактов насилия.

The article is dedicated to the role of Internet as media-factor, views and appraisals, social networks in mobilising protest moods of the citizens of different countries, Russia in 2010-2012. The author analyses and considers the main reasons for these mass protests. He studies possible and promising measures in order to prevent destructive social protests, facts of violence.

Как известно, сеть Интернет позволила обеспечить достаточно дешевую и простую в техническом отношении коммуникацию для своих участников. При этом пользователи Интернета и других компьютерных сетей могут быть определены в качестве членов виртуальных сетевых сообществ (комьюнити). Такое сетевое образование выступает как социальная целостность в форме базовой единицы социальной организации пользователей.

Членов указанных сетевых сообществ объединяет общая система ценностей, которые могут быть экономическими, политическими, культурными, религиозными, научными, образовательными, экологическими и т.п. Важна и коммуникативная составляющая в функционировании сообществ, проявляющаяся в стремлении к активному общению между собой с целью обмена знаниями, опытом, ценностными ориентациями, убеждениями, аргументами, аффектами, а в конечном счете – к социализации участников комьюнити [1].

Все сказанное, как представляется, напрямую относимо к тому факту, что отличительной чертой практически всех произошедших в течение 2010-2012 гг. выступлений народных масс, представителей различных социальных страт в странах Средней Азии, Северной Африки и Ближнего Востока, в США и Великобритании, в России и КНР, стало активное использование протестующими глобальной сети Интернет, в частности социальных сетей, для мобилизации протестных настроений, координации своих действий, информировании национальной и мировой общественности о происходящих событиях, причинах, их породивших, а также о возможных последствиях этих событий.

Проблемы сети Интернет в целом, а также популярных социальных сетей не могут сегодня анализироваться и оцениваться однозначно. С одной (в основном позитивной) стороны, справедливо утверждается, что общественно-политическая деятельность обрела новую среду своего существования – Интернет. При этом государства, не осознавшие наступления кибернетической реальности, обречены на деградацию. Например, в пережившей тяжелейший

социально-экономический и политический кризис Исландии учреждение конституционно легитимизированного общественного порядка практически произошло в режиме online, так же состоялось голосование на референдуме по первой в мире конституции, написанной в формате интернет-коммуникации. Другой впечатляющий пример осуществления общественного представительства через глобальную сеть – избрание Европейского еврейского парламента, выборы которого успешно прошли на соответствующем сайте. Кроме того, в 2010 г. в США была создана новая армейская структура – кибернетические войска, что также свидетельствует о необратимости оцифровывания всех сторон человеческого бытия – от любви до войны. Список подобных примеров можно продолжать...

В положительном смысле цифровые технологии выступают не только новейшим методом организации демократического представительства, но и способом значительного улучшения качества и скорости принятия управленческих решений. Вместе с тем если в бизнесе их применяют давно, то в госсекторе к кибернетическим новациям относятся настороженно, особенно в архаичных постсоветских странах: государство «бумажное» нетраспорентно, оно более комфортно для носителей власти, чем государство цифровое (начиная с формирования власти на выборах и заканчивая исполнением бюджетов всех уровней).

В настоящее время сообщества, осуществляющие коммуникации через Интернет, приобретают признаки общественных организаций и политических партий, членство в которых при необходимости фиксируется на соответствующих сайтах, чаще всего – в социальных сетях. Там же их пользователи договариваются о взаимодействии в реальности, обсуждают свои программные документы, проводят съезды и конференции, планируют и активизируют «кибермайданы» (протестные мероприятия) [2].

В перспективе, если следовать оптимистическому прогнозу, изменятся (в направлении со знаком «плюс») взаимоотношения государства и гражданина в условиях цифровой реальности: фиксация гражданства будет осуществляться цифровым образом: паспорт эволюционирует в электронное устройство наподобие смартфона, в том числе для связи со всеми государственными службами; пожизненный идентификационный код налогоплательщика превратится в телефонный номер указанного «паспорта-смартфона»; этот номер закрепится за гражданином навечно, как и персональный адрес электронной почты на государственном портале; в таком универсальном паспорте будут фиксироваться свидетельства права собственности, документы об образовании, водительские права, отметки об уплате налогов, получении пенсий и государственных льгот и т.д. Подобный документ, но на пластиковой карте планируется ко внедрению в РФ с конца 2012 – начала 2013 гг.

Наконец в близком будущем членский билет политической партии, видимо, представит собой некое цифровое устройство (например, флеш-карту), дающее доступ в социальную сеть, где каждый член партии, каждая ее первичная организация будут иметь собственную страницу как трибуну для участия в обсуждении и принятии решений, поскольку уже сегодня существует множество технологических прототипов таких сетей. Голосование на выборах будет происходить в электронном формате на том же государственном портале. Техническая простота проведения цифровых референдумов сделает их регулярными и позволит включить граждан в процесс принятия политических решений на систематической основе, а референдумы и выборы (при необходимости) смогут осуществляться чаще [3].

Таким образом, во-первых, налицо важное значение Интернета, социальных сетей как фактора прогресса человечества. Однако, с другой стороны, события 2010-2012 гг. показывают, что социальные интернет-сервисы могут быть также и мощным дестабилизирующим фактором. Ведь многое из того, что происходило сперва в Северной Африке, на Ближнем Востоке, а позднее

в США, в некоторых европейских странах (особенно в Великобритании) и, конечно, в России организовывалось, а точнее, самоорганизовывалось именно через социальные сети.

Ответная реакция властей в различных странах не замедлила ждать. В частности, руководители правоохранительных органов стран-участниц Таможенного союза (РФ, Беларусь, Казахстан) заявили, что соответствующие госструктуры должны контролировать социальные сети в Интернете. Ибо противники власти повсеместно договариваются (в масштабах глобализирующегося человечества) об акциях протеста через социальные сети вроде Facebook, через микроблог Twitter или используют в пропагандистских целях видеосервис YouTube, причем на многих интернет-ресурсах содержатся террорические и экстремистские призывы, имеются материалы откровенно провокационно-клеветнического характера в отношении как рядовых граждан, политических партий, масс-медиа, видных деятелей науки и культуры, так и высших руководителей различных государств современного мира.

При этом контроль за социальными сетями должен быть в рамках защиты интересов граждан и в рамках недопущения роста преступности. По-видимому, необходимо подготовить в будущем международный договор об упорядочении пользования Интернетом в рамках ООН. Сейчас не только европейцы и азиаты, но и американцы активно изучают возможность защиты государственной стабильности от социальных сервисов. В США избирателям можно не только зарегистрироваться на Facebook, но и выяснить, как защитить государственную стабильность от этих сервисов, разобраться, как при помощи Интернет-общения зарождаются революции, понять механизмы появления протестных воззваний и пропаганды в Интернете. В частности, Пентагон хочет научиться отслеживать и предупреждать целенаправленные призывы к беспорядкам и экстремистским действиям в социальных сетях.

По заказу Минобороны США разрабатывается «наука о социальных сетях», с помощью которой удалось бы отслеживать протестные настроения и блокировать очаги напряженности в виртуальном пространстве. В рамках подобной программы проводятся эксперименты, моделирующие соцсети, и организуются ролевые онлайн-игры, в которых задействуются десятки тысяч участников и пользователей. Одновременно изучаются технические средства контроля соцсетей и прочих популярных сервисов на предмет нелояльности к власти. Для этого приходится создавать систему единовременной обработки поведенческих моделей и мультязычного текстового видеотрафика, который генерирует сотни миллионов уникальных пользователей.

Чтобы противодействовать таким системам, «революционеры», скорее всего, прибегнут к условным обозначениям и зашифрованным сообщениям в переписке, частой смене аккаунтов, использовании ip-адресов и т.д. Дабы справиться с этим, понадобится уже не система мониторинга действий, похожих на действия террористов, а программа, выявляющая аномальные действия, не похожие на действия других пользователей. Для дезавуирования революционных настроений в Интернете нужно профессионально пользоваться особенностями соцсетей, нанимая на работу в госструктуры и компании SMM-специалистов, отслеживая через мониторинг, что пишут «повстанцы», «рассерженные» горожане, сотрудники и конкуренты.

Так, исследовав, как действуют соцсетевые революции, военные и спецслужбы различных заинтересованных «цифровых» государств уже сейчас пытаются направлять экстремистскую активность пользователей в законное русло, применяя для этого самые разные приемы в широком диапазоне – от развенчания слухов до дезинформации. Для многих стран социальные сети становятся «интернет-фронтом», полем сражения, что требует выработки и реализации соответствующей стратегии.

В целом социальные сети Интернета однозначно более эффективны в доставке информации, а следовательно, обладают и большей агитационно-пропагандистской и

организационной эффективностью по сравнению с любыми предшествующими средствами массовой информации. Кроме того, феномен социальных сетей располагает также таким важнейшим свойством как взаимоиндукция. Например, если вы издали некий «звук» в социальной сети Интернета, то его услышит заведомо большее количество людей, чем в среднем присутствует в любой обычной аудитории. Соответственно, и ответит на ваш «звук» физически большее количество людей, нежели присутствует в ней. И если этот «звук» есть антиправительственный призыв к протесту, «несогласию» с чем- или кем-либо, то вам ответят те, в ком присутствуют подобные протестные настроения. И физическое количество этих людей будет заведомо больше, чем в любой банальной аудитории, хотя и до известного предела, определенного спецификой той или иной страны, того или иного региона. В частности, пока что протестные субъекты России, переговаривающиеся в социальных сетях о политике, постоянно слушающие и смотрящие «Эхо Москвы», программы М. Максимовской на REN-TV, телеканалы «Дождь», РБК (RBC) и т.п., составляют персонально постоянную аудиторию (т.е. одни и те же люди) в пределах 900 тыс. – 1 миллиона человек, что для такой страны как РФ – «капля в море»: менее одного процента избирателей. Однако данный тренд имеет перспективу для немалого роста уже в ближайшее время.

Дальше: возникнут ли революция, бунт или массовые беспорядки, зависит, видимо, от двух главных факторов – от процента людей, имеющих позыв издать «протестный звук», а также от качественных характеристик самих этих протестных настроений. И, если в США, других странах «большой семерки», развитой экономики и традиционно западной демократии социальные сети Интернета как максимум могут явиться организатором массовых акций в духе «оккупируй Бродвей», выступлений против режима всеобщей экономии, нарушений прав студентов и т.п., то в государствах с авторитарным или диктаторскими режимами и количество граждан, внутренне недовольных властью, больше, и качественно это недовольство имеет более революционный, эмоционально-агрессивный характер. Значит, в таких странах правильно выстроенные пропаганда и агитация в социальных сетях Интернета способны не только организовывать массовые протестные выступления, даже революции (конечно, при наличии революционной ситуации, социально-экономических и политических предпосылок), но и существенно раскачать целый геополитически значимый регион современного человечества. Поэтому к тому, что произошло и происходит сейчас в арабском мире, стоит со всей серьезностью отнестись и России, поскольку к ней это имеет самое прямое отношение [4].

Вышесказанное определяется также тем, что вызванная стремительным ростом новых коммуникационных технологий, прежде всего мобильной связи и Web2.0, массовизация политического дискурса стала, как отмечалось, предметом озабоченности политических элит всего мира. Хрестоматийный тезис марксизма – «Идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами» – как никогда актуален в наши дни. Хорошо, когда эту силу удастся взять под контроль, сделать управляемой и предсказуемой, – например, для достижения перевеса над оппонентами во время избирательной кампании. И плохо, когда эта сила приводит к серьезным социальным потрясениям.

Понимая это, политики активно пошли «в народ», обзаведясь собственными страничками в Facebook, Twitter и подобных им коммуникативных средах, и даже стали иметь от этого ощутимый профит. Вместе с тем возникло понимание необходимости научного изучения возникшей проблемы. Ученые ряда стран в рамках различных исследовательских проектов, в частности специалисты Вашингтонского университета, проанализировали более 3 млн. твитов, тысячи блогов и гигабайты видео-контента с Facebook, Twitter и YouTube, которые имели отношение к госпереворотам в некоторых арабских странах. Для сравнительного анализа были

использованы не только синхронные кризисным событиям данные, но и предшествовавшие им примерно на месяц (на базе компьютерного моделирования).

В результате были зафиксированы следующие основные выводы, которые с определенной долей коррекции можно распространить на события, происшедшие позже в других государствах и регионах (включая Россию) современного мира: 1) социальные средства массовой информации играли главную роль в оформлении политических дебатов во время «арабской весны»; 2) пик онлайн-революционных разговоров часто предшествовал крупным событиям на улице; 3) социальные средства массовой информации помогли распространению демократических идей через государственные границы; 4) когда число преданных сторонников некоторой точки зрения ниже 10%, нет никакого заметного прогресса в распространении неких идей (в том числе через социальные сети как современную форму электронных СМИ), но как только это число превышает 10%, подобные идеи распространяются со скоростью степного пожара.

В подтверждение сказанного: еще летом 2011 г. выпущенный из бутылки сетевой джинн материализовался реальными поджогами собственности, грабежами и убийствами в крупнейших городах Англии, Германии, США, Австралии, а позднее – митинговыми страстями, насилием, экстремизмом и в России. Как выяснилось, оркестровались эти события также посредством социальных сетей, в частности Facebook и Twitter, через бесплатный чат для пользователей смартфонов BlackBerry и других социальных медиаструктур.

Госвласти ряда государств приняли конкретные ответные меры, создав специальные отчеты полиции для мониторинга социальных сетей и предотвращения преступлений со стороны людей, общающихся через соответствующие веб-сайты и сервисы в целях использования социальных медиаисточников ради планирования насилия, беспорядков, криминальных действий под лозунгом «протесты», против, по сути, любых мероприятий власти. Кроме того, в некоторых парламентах были приняты законы или поправки к законам, ограничивающие «медиабеспредел» (например, в РФ – закон о черных сайтах», направленный против пропаганды педофилии, наркотиков, суицидов).

Вместе с тем были опубликованы данные о прилагаемых США и их союзниками усилиях по развертыванию систем «теневого» Интернета и сетей сотовой связи, которые диссиденты разных стран (в том числе России) могут использовать для свержения репрессивных правительств, стремящихся заставить их замолчать, вводя цензуру или отключая телекоммуникационные сети. Были названы и релевантные перспективные технологии: «Интернет в чемоданчике» (Internet in a suitcase), «Независимые сети сотовой связи зарубежных стран», «Передача данных посредством Bluetooth», «Похороненные мобильники» и т.д. Госсекретарь США Х. Клинтон назвала эти технологические возможности «историческим шансом осуществить позитивные изменения, которые поддерживает Америка» [5].

В этой связи следует отметить обнаруженное мнение руководства РФ о том, что российская блогосфера подвержена внешнему влиянию, направленному на создание и поддержание постоянного напряжения в обществе посредством враждебного применения информационных и телекоммуникационных технологий (в чем оппозиционеры привычно увидели «пропаганду», «обвинения блогеров в купленности госдепом США» и стремление «задушить свободу слова в единственной отдушине – Интернете»...).

Конечно, переубеждать «профессиональных революционеров» бесполезно – ведь борьба с любыми инициативами власти стала их призванием и профессией, но факты таковы. Инфрмагентство Associated Press публикует материалы со ссылкой на директора OSC-разведцентра ЦРУ о том, что данная спецслужба ведет тотальный мониторинг социальных сетей в РФ, причем особый интерес вызывают протестные настроения и люди, с которыми можно

«эффективно работать» против российской власти сейчас или в будущем. Все тот же Госдепартамент США не скрывает направление 150 млн. долларов на российские оппозиционные НКО и «сетевые проекты», выделение 25 млн. долларов для «несогласных» блогеров, разработку «теневого» мобильных и интернет-систем для оппозиционеров (которые могли бы применять их в целях подрыва режимов в тех странах, которые США считают «репрессивными»), запуск «информсреды» в целях достижения ложного согласия в нужных дискуссиях и качественного изменения нежелательных мнений и сообщений, организацию «оранжевой сети» влияния в РУНЕТе для «нужной» интерпретации резонансных событий...

Таким образом, напрашивается вывод, что в современных условиях эффективное обеспечение национальной и международной безопасности и стабильности невозможно без укрепления безопасности в информационной сфере. И конкретные действия власти, исходя из указанного тезиса, налицо: в Великобритании два молодых человека, обсуждавшие в Facebook со своими френдами, устроить ли им «протестные акции», после беспорядков летом 2011 г. в Лондоне были осуждены уголовным судом на несколько лет лишения свободы; в США задерживали и судили граждан, писавших в соцсетях об убийстве полицейских из охраны президента; в России в 2012 г. были приняты: закон о клевете, об НКО как иностранных агентах, если они, занимаясь политикой, получают финансирование из-за границы (и это вполне демократичный подход, что показывает в том числе и западная практика) [6].

В связи с упомянутой медиа-проблематикой укажем данные, касающиеся возрастающего тренда распространения Интернета (в том числе его мобильного формата), социальных сетей за 2000-е гг., представленные общероссийским фондом «Общественное мнение», его партнерской организацией по Амурской области.

Интернет в России: динамика проникновения. Весна 2011-2012 гг.

Доля активной аудитории – это выходящие в сеть хотя бы раз за сутки – сейчас составляет (см. рис. 1) 39%, или 45,5 млн. человек. Наиболее существенный рост доли интернет-пользователей наблюдается в Северо-

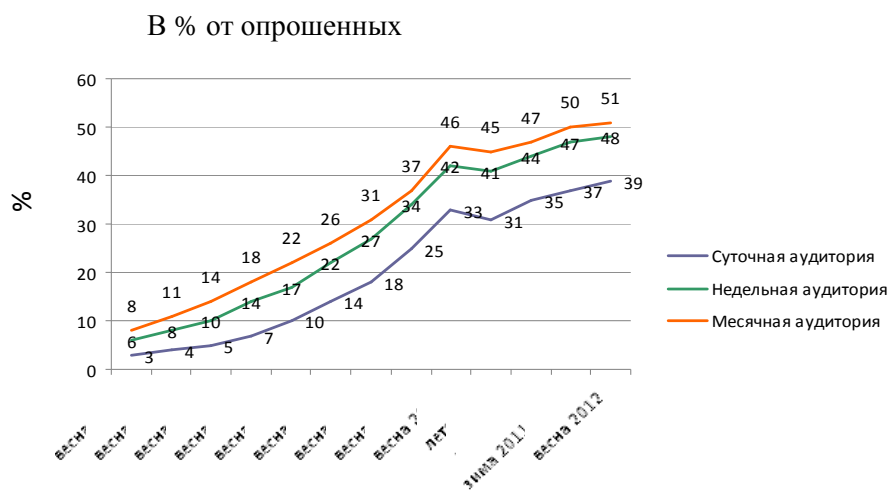

Рис. 1. Динамика проникновения Интернета [7].

Кавказском, Сибирском и Дальневосточном ФО. Также значителен прирост в селах и малых городах (рис. 4) [7].

Мобильный интернет: что изменилось за

полгода. Общение в социальных сетях – самый распространенный сервис у пользователей мобильного интернета. Особенно ощутимо (более чем в полтора раза) выросла за

полгода доля обитателей соцсетей в селах. Услуга поиска информации – традиционно самая востребованная в «большом Интернете», в мобильном на втором месте по популярности (рис. 2, 3)

[7].

В % от месячной интернет-аудитории:

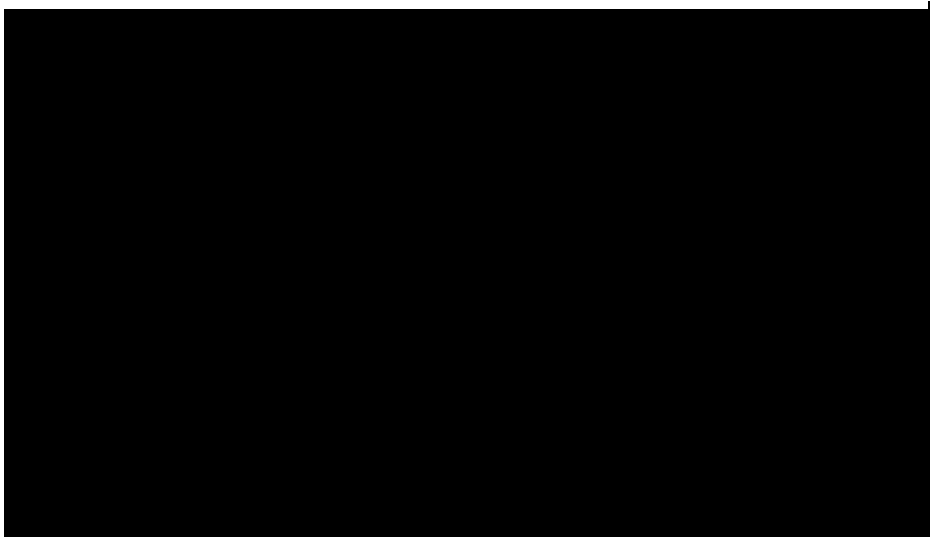

Рис. 2. Интернет и мобильный интернет [7].

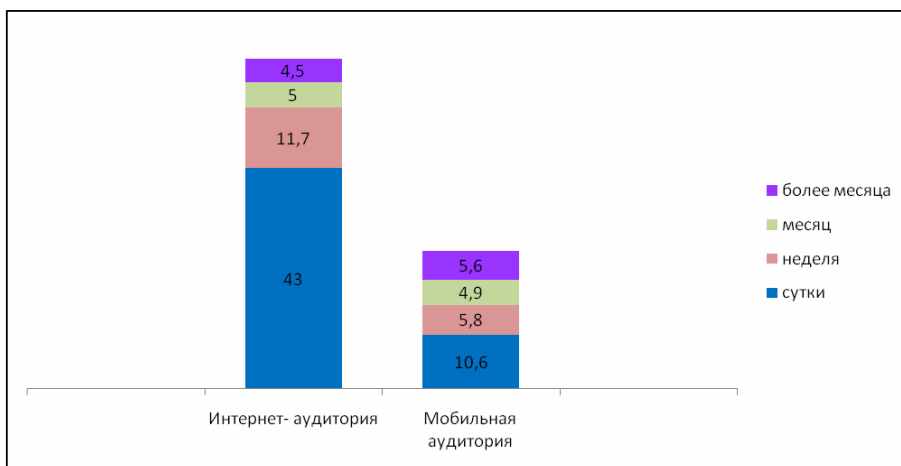

Рис. 3. Выход пользователей в Интернет, млн. человек.

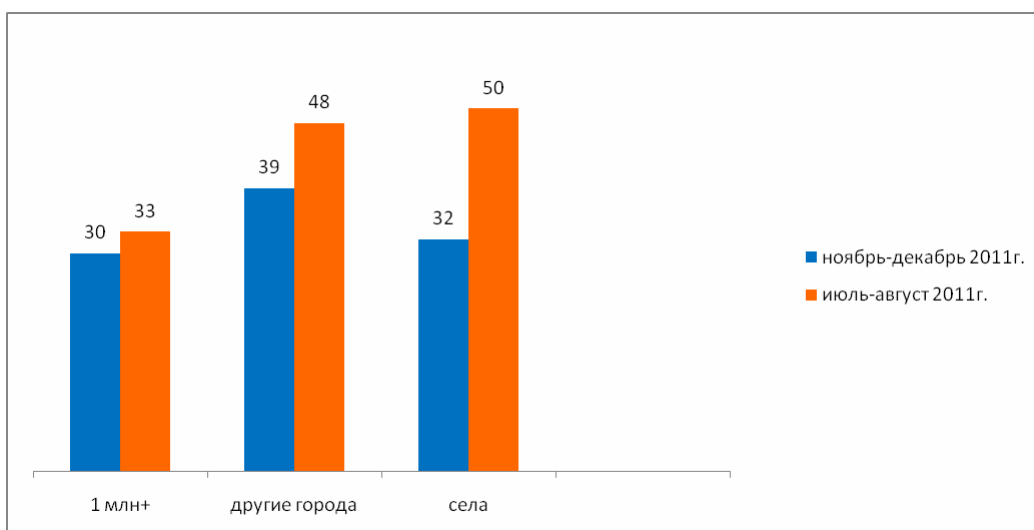

Рис. 4. Рост числа пользователей Интернета, % от месячной мобильности Интернет-аудитории.

Ежемесячно в Сети бывает до 60 млн. пользователей, из них до 21млн. – с помощью мобильного телефона.

Социальные сети выросли в основном за счет городов с населением до 1 млн. и сёл [7] (рис. 4).

Что касается ситуации с распространением Интернета в Амурской области, то данные недавних репрезентативных массовых опросов населения Приамурья (1800 респондентов методом социологического интервью, с использованием квотной выборки), осуществленных областной партнерской организацией ФОМ, зафиксированы в показателях, приведенных на рис. 5.

Однако прямой (линейной) зависимости между трендом развития Интернета в обществе и ростом протестных настроений, как выяснилось, не существует. Здесь основную роль играет совокупный фактор мультимедиа, прежде всего наиболее популярных и доступных сегодня в регионах России соответствующих телепередач и в определенной степени – печатной прессы, которые ориентированы в основном на существующую федеральную и региональную власть. Кроме того, в целом вполне благополучно выглядит и теперешнее социально-экономическое положение большинства россиян (в том числе амурчан), когда (в суммарном воплощении) более 60% опрошенных заявляют, что релевантная ситуация в стране либо «улучшается», либо является «стабильно благоприятной». Отсюда вывод – Интернет, социальные сети, как виртуальные формы существования людей, не есть решающий фактор нарастания протестных настроений и действий без наличия базовых материальных причин. Данные социологических исследований как по всей РФ, так и по Амурской области это доказывают.

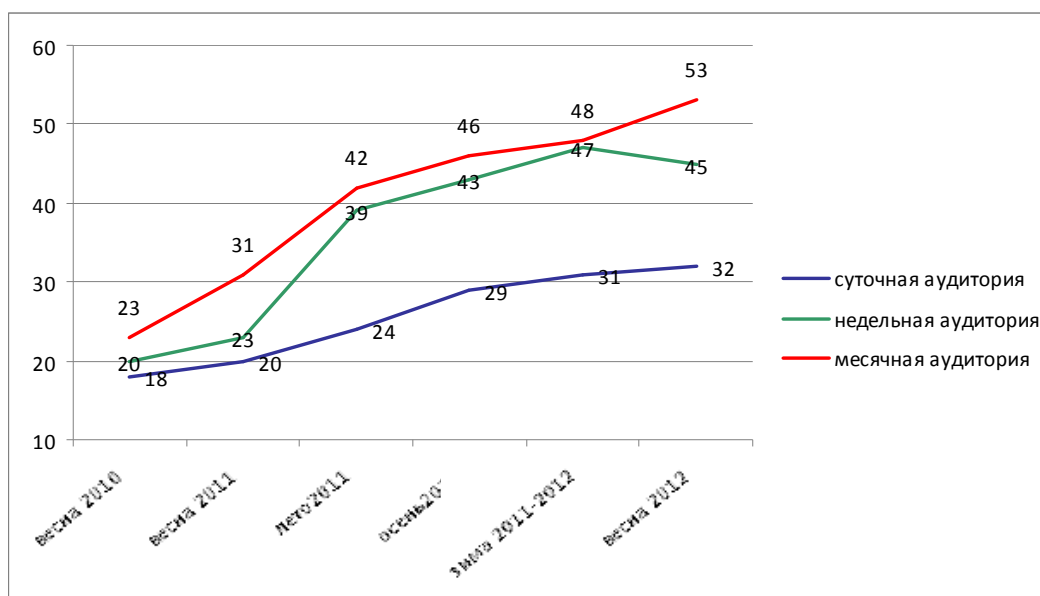

Рис. 5. Распространение Интернета в Амурской области, % от опрошенных.

На вопрос, адресованный амурским респондентам: «Если в ближайшее время там, где вы живете, состоятся митинги, демонстрации противников нынешней власти и ее сторонников, то как вы скорее всего поступите?» были получены результаты, приведенные на рис. 6.

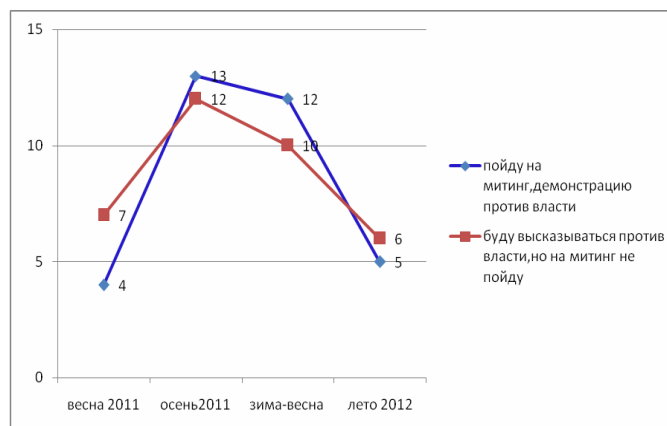

Рис. 6. Результаты опроса респондентов в Амурской области об участии в митингах и демонстрациях против нынешней власти, % от

Что же объединяет российских участников протестных акций? С точки зрения гендиректора ВЦИОМ В. Федорова, это три «настроенческих» фактора: первое – ярко выраженная потребность в самореализации, причем, возможно, в ущерб спокойствию, упорядоченности, стабильности личной и общественной жизни (78% опрошенных); второе – высокая степень недовольства ситуацией в стране (2/3 респондентов); третье – неустроенность, недовольство собственной жизнью (почти каждый второй ответивший на вопросы социологов).

Приведенные данные (лето 2012 г.) касаются прежде всего респондентов Москвы, Санкт-Петербурга и некоторых других мегаполисов и крупных городов РФ, в основном в следующем социально-демократическом и социально-профессиональном составе: молодежь до 34 лет (2/3 участников митингов), отметим, что в сравнении с февралем 2012 г. и тем более декабрём 2011 г. средних возрастов стало меньше и совсем мало лиц пенсионной возрастной группы. Более половины протестующих (12.06.2012 г.) составляли представители трех групп – так называемый креативный класс (творческая интеллигенция), офисные работники и учащаяся молодежь (напротив, число рабочих инженерно-технических работников, пенсионеров, федеральных и муниципальных служащих за период с декабря 2011 г. по середину июня 2012 г. резко сократилось).

В целом динамика современного общественного протестного движения волнообразна, какого-либо одного тренда данного явления на снижение или повышение на середину 2012 г. не существовало. Вместе с тем социально-экономические мотивы протеста практически не просматриваются, а приток в него новых сил отсутствует или, по крайней мере, предельно ограничен. «Ядро» протестных функционеров – те, кто бывает на всех главных подобных акциях, но это, как уже говорилось, – одни и те же люди. И на этой почве происходит раскол – на «пламенных борцов-протестантов», готовых продолжать свое дело дальше, и на более рациональных, трезвых, взвешенных прагматиков, которые, видя, что внятных результатов «активного несогласия» нет, постепенно перестают принимать участие в протестных акциях [8].

В качестве субъекта протеста О. Крыштановская, руководитель Центра изучения элит Института социологии РАН, называет молодую по возрасту российскую интеллигенцию (в среднем по России на сегодня имеют высшее образование примерно 28%, среди митингующих – 70%; имеют ученую степень в среднем по стране – 0,4%, среди митингующих – 5,8%; студентов по России – 9%, среди митингующих – 17%). Данная социальная группа традиционно всегда противостояла любой власти, инспирировала значимые революционные изменения и попытки революций. Причем подавляющее большинство людей, которые ходят на митинги, ездили за границу, в страны Запада и сравнивали ситуацию «там» и «здесь». Последнее вызвало у многих из них состояние «национальной депрессии» и разочарования в отношении России. Добавим, что по стране в целом ситуация, как показывают опросы различных социологических служб, прямо

противоположная: даже те, кто выражает относительное недовольство (в общих и частных аспектах) положением дел в нашей стране, касательно своей личной жизни, как правило, высказывает общее удовлетворение.

О. Крыштановская справедливо отмечает, что очень важной, помимо прочих, причиной митинговой активности (как в России, так и в иных регионах мира) является медийное пространство, в котором формируются протестные сообщества, или, говоря «виртуальным» языком, «облачные сообщества», так как их твердое ядро находится в социальных сетях. Ведь 65% тех людей, которые участвовали в протестах, получают о них определенную информацию в Интернете: в Facebook – около 40%, В Контакте – 20%, через Twitter – 18%, ЖЖ – 5,5%. В целом 25% оппозиционеров свободно перемещаются по Интернету и находят протестную информацию, говорят на эту тему уже который год подряд, а затем выходят «в реал» (т.е. на митинговую улицу) до какой-либо существенной опасности. Если таковая появляется, они сворачиваются опять до размера ядра в социальной сети, уходят с улицы, но не перестают существовать. По сути, управляют таким сообществом аккаунты в социальных сетях, которые, в свою очередь, взаимозаменяемы – вместо выбывшего по какой-то причине человека вести его аккаунт сможет кто-то другой и т.д.

По Крыштановской, на вершине пирамиды протеста – маленькая группа революционеров (3% от общего числа протестующих), готовых к самым решительным действиям, к арестам, к жестким мерам противостояния, они заявляют, что главная цель их борьбы – лично Путин. Следующая группа (более 25%) выступает против всей политической системы страны, недовольна тем, что в ней «мало демократии». Но самая большая группа (40%), не ставя глобальных революционных планов, протестует против отсутствия в стране правового государства (отсутствие честного суда, наличие двойных стандартов, тотальная коррупция, беспредел чиновников и т.д.). Иными словами, если обобщить, они протестуют, активно используя социальные сети в Интернете, против отсутствия равноправия в современной России [9].

Таким образом, проблема развития демократии в нынешней России, столь тревожащая различные отряды политической оппозиции (в том числе и в виртуальном формате – в социальных сетях), напрямую связана с пристальным вниманием государства к вопросу развития электронной демократии и информационных технологий. Сегодня этим занимается специальное управление, созданное в Администрации российского президента, ориентируясь на основные положения одной из предвыборных статей В. Путина «Демократия и качество государства», где он акцентировал внимание именно на развитии Интернет-демократии.

Однако подобная позитивная деятельность возможна как эффективная при аутентичном измерении и прогнозировании социальной напряженности и протестной активности, в том числе активизируемых в социальных сетях Интернета. Еще в июне 2011 г. данная проблема обсуждалась на одном из очередных заседаний Научного совета ВЦИОМ, где ведущими социологами страны были поставлены следующие вопросы.

Насколько универсальными (применительно к разным странам, к регионам в рамках одной страны, к разным историческим периодам в развитии одной страны, к разным социальным группам) могут быть методики измерения и прогнозирования социальной напряженности? Есть ли специфика в логике анализа социальной напряженности и протестной активности в современной России?

Когда мы говорим о «социальной напряженности», то:

- а) что именно нуждается в измерении и прогнозировании?
- б) что конкретно мы можем измерить и прогнозировать?
- в) что, собственно, мы измеряем созданным нами инструментом?
- г) можем ли мы объяснить другим, что именно мы измерили?

Велика ли разница – с точки зрения измерения – между социальной напряженностью и протестной активностью? Должны ли быть разными инструменты для мониторинга первого и второго?

На основании каких данных о социальных процессах, событиях и состояниях мы можем делать измерения? В какой мере эти данные доступны?

Каковы основные недостатки существующих методик социологического анализа социальной напряженности и прогнозирования конфликтов [10]?

Адекватные разработки этих и других тематически важных проблемных вопросов, уже публикуемых в соответствующих источниках информации, помогают лучше представить объективно существующую взаимосвязь протестных настроений и акций с медиа-фактором, с контентом, распространяемым в чрезвычайно популярных сегодня у определенных групп населения социальных сетях Интернет-пространства. Это представляется необходимым для понимания, а также учета запросов и интересов различных представителей современного общества в лице как реальных, так и виртуальных участников социальных групп, в целях обеспечения эффективного управления на пути к стабилизации и гармонизации социальных отношений в современном мире.

-
1. Бондаренко, С.В., Самыгин, С.И., Перов, Г.О. Виртуальные сетевые сообщества...// Социология: экспресс-справочник – М.: ИКЦ «Март»; Ростов н/Д.: ИЦ «Март», 2004/2010 – Р. 52.
 2. Эксперт. 06.02.2012. – № 4 (334).
 3. Матвиенко, К. Интернет – убийца государства // «Хвыля» 29.04.2012. – <http://hvylya.org/analytics/society/22843-internet-ubijtsa-gosudarstv.html?tmpl=comp>.
 4. Платов, А. Защититься от социальных сетей – Компьютерная газета. – <http://www.nestor.minsk.by/kg/2011/35/kg13504.html> 02.07.2012.
 5. Санько, С. Политика в социальных сетях, или Чем отчирикается весенний щебет. – <http://new.kv.by/content/politiki-v-seti>. 11.10.2011 «Physical Review E, vol. 84, № 1»; «The Guardian», 11.08.2011; «Daily News», 10.08.2011; «The New York Times», 12.06.2011; «The New York Times», 12.08.2011.
 6. Патрушев: мнения – 06.01.2012. Так в чем же прав Патрушев? – <http://www.politonline.ru/politika/11081.html>. 06.01.2012.
 7. Бюллетень «Интернет в России». Весна 2012 г. – ФОМ: «Мобильный интернет». Август 2011. Вся Россия. – <http://runet.fom.ru/Proniknovenie-interneta/10507/>, <http://runet.fom.ru/Mobilnye-technologii/10228/>
 8. Федоров, В.В. Говорить о массовой политизации россиян нельзя – <http://actualcomment.ru/news/38704/> 03.03.12.
 9. Портрет недовольных // Независимая газета 28.06.12. – http://www.ng.ru/politics/2012-06-28/3_portrait.html
 10. Измерения и прогнозирование социальной напряженности и протестной активности в российском обществе. – <http://wciom.ru/140/> 06.08.11.